

Глава 2

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСАТА

На следующий вечер Кати вошла в комнату в конце коридора.

— Привет, папа, — поздоровалась она, кинув взгляд на старую черную вешалку для одежды, какие и по сей день можно встретить в венских кофейнях. На ней висели широкополая шляпа-федора и тренч, точно такой же, какой носил Хамфри Богарт в «Касабланке», одном из любимых фильмов ее отца. Кати расположила вешалку-стойку таким образом, чтобы отец всегда мог смотреть в сад.

— Еще одно прощание? — спросил бы он ее. Если бы еще был жив. И если бы не перестал разговаривать с ней, когда еще был жив. С ее восьмого дня рождения они почти не общались. Только по минимуму. Кати мечтала услышать от него больше слов. Сейчас ей удавалось наверстывать их по чуть-чуть в этой комнате, пока она писала одно из своих писем. — Прощальные сцены в фильмах — это

всегда моменты, которые нужно снимать крупным планом.

— Новое начало, — ответила она.

Бог не бросал кости. А Кати бросала.

Целых пять пожелтевших кубиков в специальном кожаном стаканчике. Они были взяты из разных настольных игр, в каждой из которых уже давно не хватало каких-нибудь элементов. Если выпадал дубль, она писала письмо от руки. Во всех остальных случаях — печатала.

Кати всегда бросала кости в этой комнате, которая раньше служила кабинетом Ахима. После его поспешного отъезда она превратила ее в комнату для чтения — хотя больше всего ей нравилось проглатывать романы, сидя в ванне. Затем она превратилась в спортивный зал, хотя занималась спортом Кати только на улице, а потом — в комнату для хобби, хотя у нее не было никаких увлечений, для которых требовалась бы отдельная комната.

Теперь же она стала ее кабинетом для письма, где реликвии, свидетельствующие о прежних назначениях этого помещения, стояли, как древние колонны в современном городе.

К древесно-стружечным обоям был прикреплен большой прямоугольный кусок оберточной бумаги, изнаночной стороной вперед. На нем значилось тридцать семь имен, на большинстве которых стоял штамп со словом «Доставлено». В момент, когда печать касалась имени, у Кати всякий раз будто валун падал с плеч.

Она села за стол, который на самом деле был швейной машинкой, утапливающейся в деревянную

столешницу, и встряхнула приготовленные кубики в кожаном стаканчике. Клацанье пластиковых кубиков, подпрыгивающих внутри, звучало еще долго, прежде чем Кати с громким хлопком поставила стаканчик на столешницу и подняла его.

Выпало две четверки.

— Дубль. Замечательно, — сказал бы ее отец. И, возможно, отпустил бы еще какой-нибудь комментарий о Джеймсе Бонде в казино. — Мне больше нравится, когда ты выбрасываешь дубли.

Протяжно вздохнув, Кати перевернула один из кубиков на тройку.

— Нет никакого дубля. Печатное письмо.

— Этот день настал? — спросил бы ее отец.

Кати кивнула. Пришло время для особого письма. Ахиму, ее бывшему мужу.

Он прекрасно ладил с ее матерью, пока был женат на Кати, даже более того — они стали близкими друзьями.

Оставалось надеяться, что он любезно ответит ей на парочку вопросов.

Это было одно из тех писем, которые Кати писала бесчисленное множество раз, лежа ночью в постели, на темной бумаге между бодрствованием и сном. Какое же облегчение наконец-то выпустить эти слова из головы и знать, что они вот-вот отпечатаются на слегка помятой бумаге для бутербродов, благодаря легкому блеску которой каждое слово будет казаться навечно высеченным в алебастре.

Пока Кати писала, она не выглядывала в окно, не смотрела в сад или на крыши других домов, не видела ни сойку, расправившую крылья с небесно-

голубыми пятнышками, ни светло-коричневую белку среди желтых осенних листьев, которая смело прыгнула с толстой ветки на тоненькую, ни старую соседскую кошку, которая, виляя попой, бросилась к белке, но пробежала всего несколько метров, а потом остановилась и принялась вылизывать задние лапы, как будто этим и собиралась заняться с самого начала.

Кати обращала внимание только на вошеную бумагу на бумагоопорном валике, печатала стремительно, потом все медленнее и медленнее и в какой-то момент вообще не смогла писать дальше.

Тогда она продолжила от руки, причем так сильно давливала кончик ручки в листок, что он оставлял на нем глубокие бороздки.

На следующем этапе она вычеркнула все, что на самом деле не требовалось произносить, о чем достаточно было подумать. Та же участь ожидала все предложения о второстепенных проблемах, когда их отношения развалились, как межгосударственное объединение, страны которого отныне перешли в состояние войны. Это продолжалось до тех пор, пока от ее письма не осталось лишь самое главное, как если бы она отрезала от яблока всю мякоть, вплоть до неперевариваемой сердцевины.

Кати сложила бумагу для бутербродов так плотно, что согнутый край заострился, и спрятала письмо в конверт, на котором написала порядковый номер (32) и имя Ахима.

Самой большой проблемой Кати с письмами было время до их доставки. Как только она заканчивала письмо, ей хотелось, чтобы его как можно скорее получили.

Но этому письму предстояло подождать до следующего дня, как и самой Кати, потому что сегодня было уже поздно.

Завтра она прочтет его бывшему мужу.

***

Ночью ее голова просто-напросто продолжила писать письмо, однако, следя за этим процессом, Кати заснула. А когда пила утренний кофе за кухонным столом, чувствовала себя измотанной, как после долгого разговора.

Выйдя за дверь и остановившись на коврике из кокосового волокна, Кати почувствовала аромат осени. Ветер пах чем-то пряным, а когда она шла по усыпанному листьями тротуару, они потрескивали у нее под ногами, словно маленькие костерки.

Сначала нужно зайти в салон, чтобы вернуть парикмахерскую сумку и расплатиться за средства, которые она использовала. Мадам Катрин должна быть там — несмотря на то, что по понедельникам салон не работал. Дело в том, что хозяйке нравился тот промежуток времени, когда салон еще пустовал, а она могла заниматься последними приготовлениями. Все должно быть на своих местах, все закуплено, все чисто. Как в танцевальном зале перед тем, как туда войдут празднично одетые пары.

Кати осторожно постучала в стеклянную входную дверь.

Открывшая ее мадам Катрин предстала перед ней с идеальной завивкой и макияжем. Кати не помнила, чтобы эта женщина когда-либо выглядела как-то иначе, независимо от времени суток.

— Хочешь кофе, дорогая? Я только что поставила. Черный и крепкий! — Мадам Катрин гостеприимно распахнула дверь.

— Уже пила. Но спасибо.

— Да не за что, — отмахнулась она. — Как все прошло вчера?

— Хорошо, работы было много. Только попрошайки не приходят, потому что хорошая стрижка плохо сказывается на бизнесе. Так люди думают, что они просто притворяются бедными.

— Если бы по классу стрижки можно было определить, насколько человек богат, то меня бы считали миллионершей!

Мадам Катрин тряхнула поразительно упругими локонами, словно снималась в рекламе лака для волос.

— Меня даже благословили в конце. — Кати усмехнулась. — По мне видно, правда?

— Благословили? А меня еще никогда не благословляли клиенты, хотя, видит Бог, я не раз этого заслуживала.

— Я расскажу вам все позже, сейчас мне нужно в паспортный стол. — Кати передала ей сумку.

— Зря ты там работаешь! Такая, как ты, должна быть мэром! Но ты меня не слушаешь, дорогая.

— Нет, слушаю, — отозвалась Кати. — И, между прочим, всегда с момента нашего знакомства.

Мадам Катрин театрально помахала на себя ладонями, как веером.

— Ну вот, ты меня смущаешь! Уходи быстрее, пока никто не увидел, как я краснею.

— Вам идет!

После этого мадам Катрин по-настоящему покраснела и быстро закрыла за Кати дверь салона.

Когда Кати повернулась в сторону улицы, ей в глаза сразу же бросилась одна прическа. Она узнавала свои собственные стрижки, как другие узнают домашних питомцев.

А все потому, что она всегда совершала одни и те же ошибки.

Мужчина сидел на скамейке автобусной остановки, держал в руках книгу с солнечно-желтым рисунком на обложке и теперь с радостью смотрел в ее сторону.

Затем незнакомец встал и направился к ней.

Он шел через дорогу, как будто на ней не было машин. Однако они были, и они сигналили. Мужчина не реагировал, глядя только на Кати, как будто лишь она одна достойна его внимания.

Когда он приблизился, Кати уловила запах лака для волос, которым сама пользовалась. Красное яблоко, роза и нотки ванили — как только что вынутое из духовки печенье курабье.

Мужчина начал насвистывать. И свистел он хорошо, нет, даже превосходно. Красивая мелодия, не попсовая, скорее торжественная. Этот человек напоминал Кати чрезвычайно талантливого дрозда, что вызвало у нее улыбку.

И вот мужчина остановился перед ней.

— Здравствуйте, фрау парикмахер.

Теперь она узнала его. Это же Безымянный.

— Значит, вы все-таки умеете разговаривать!

— Сначала я должен был приберечь для вас несколько хороших слов, чтобы не наговорить глупостей.

— Так вы из-за меня?.. — Кати отпрянула.

Мужчина позволил ей увеличить расстояние между ними и не стал подходить ближе, вместо этого подняв руки в знак того, что не собирается нападать.

— Это не слезка и не stalking, не бойтесь. Я просто хотел сказать спасибо.

— Очень мило, но, к сожалению, мне пора идти. В субботу можете снова прийти подстричься.

— Вы узнали мелодию, которую я только что на-
свистывал?

— Нет. А должна?

— Она вам понравилась?

Кати нахмурилась.

— Приятная, да. А что?

— Это хорошо. — Он кивнул. — Я рад.

Кати постучала пальцем по своим наручным часам.

— Мне действительно срочно надо...

— Вам, видимо, неприятен наш разговор.

— Что? Нет. — Кати сильно замотала головой. Причем даже слегка перестаралась.

— Глупо было приходиться сюда. Наверняка я вас пугаю. — Он поджал губы. — Извините.

В его голосе звучала теплота, а манера произносить слова казалась приятно мелодичной. Хочется, чтобы таким голосом кто-то пел тебе песни, когда ты болеешь и лежишь в постели.

— Все в порядке. Вы действительно немного меня напугали. Но вы ведь просто пытались быть вежливым. А я иногда чрезмерно осмотрительна. — Кати протянула руку. — Я Кати Вальдштайн, а вы?

Мужчина заколебался и склонил голову:

— У меня нет имени.

— У каждого есть имя.

— Мне оно уже не нужно. Для большинства людей я «Эй ты» или «Эй, парень в смешной жилетке».

— И вам этого достаточно?

Безымянный пожал плечами.

— Имя мне ни к чему. Но если вы хотите дать мне какое-то, я готов его принять.

Кати снова нахмурила лоб и, когда поймала себя на этом, тут же расслабилась. Она никогда не хотела становиться женщиной, которая хмурит лоб. Вот только, к сожалению, ее лоб иногда испытывал острую необходимость встревоженно морщиться.

— Может быть, вы вспомните свое, когда я буду стричь вас в следующий раз?

— Думаете, оно спрятано под моими волосами?

— Под волосами прячется больше, чем люди себе представляют.

— Тогда я с удовольствием приду снова.

— Хорошо, «Эй ты». Значит, до встречи.

— Жду с нетерпением.

Коротко улыбнувшись на прощание, она оставила Безымянного и ушла.

— Ты можешь встретить тысячу людей и забыть каждого из них за пять минут. Ты можешь встретить кого-то всего на пять минут и не забыть его за тысячу лет, — сказал он ей вслед.

Кати не обернулась.

Ведь тогда ей пришлось бы что-то ответить. А она понятия не имела, что именно. Раньше с ней такого не случалось.

***

Чуть позже Кати сидела за своим пепельно-серым письменным столом в офисе и, выдавая удостоверения личности, свидетельства о регистрации, справки об отсутствии судимости и свидетельства

о нахождении в живых, параллельно перекатывала на губах разные имена, чтобы проверить, подходят ли они незнакомцу. Михаэль? Андреас? Штефан? Райнер? Йохен? Александр? Нет, нет и еще раз нет.

Только при выдаче загранпаспортов она не примеряла имена, потому что посетители любили подробно рассказывать ей, куда собираются с ними поехать. И где бы ни находилось это их «где-то», там всегда было намного лучше, чем здесь.

В обеденный перерыв Кати отправилась к Ахиму.

Сейчас он уже должен вернуться домой с работы на центральном складе. Ахим существовал как часовой механизм. Вот почему ей всегда было с ним так спокойно.

И так скучно.

Он жил со своей новой женой Бригиттой, которую все называли Бигги, в доме блокированной застройки, в последнем в ряду, на окраине их городка. За садом, выходящим на север, простирались прямоугольные поля с битумными фермерскими дорогами. Когда Кати припарковалась перед домом, небо затянули облака, словно пожелтевшие белые занавески, пропускающие лишь грязный свет.

Окно на кухне было приоткрыто, и Кати еще с тротуара уловила запах горячего жира со сковороды, на которой Бригитта жарила фрикадельки. Их будут подавать с отварным картофелем и кольраби. Как и каждый понедельник у Ахима.

Кнопка звонка была в форме подсолнуха. Нажав на нее, Кати почувствовала холод кончиком пальца.

— Она здесь! — крикнула Бигги из кухни.

— Иду, — раздался голос Ахима из глубины дома.

Кати поправила волосы. Сегодня она предпочла классический конский хвост, потому что знала: Ахим считает его недостаточно привлекательным. Он любил объемные прически, как у женщин из сериалов восьмидесятых.

И вот он открыл дверь, к которой вели две ступеньки. На его ногах красовались бежевые тапочки. С годами ее бывший муж потерял все четкие линии на лице и теле и округлился со всех сторон, как камень, который долгое время омывала вода.

— Кати.

— Ахим.

Даже большая любовь со временем может стать пугающе маленькой. Настолько, что ты вдруг понимаешь: тебе уже никогда в ней не уместиться.

— Я ожидал тебя гораздо раньше.

Они прожили в браке двенадцать лет. С момента расставания годовщина их свадьбы прошла уже четырежды, с каждым разом все менее болезненно.

Кати развернула бумагу для бутербродов. Лист, в углу которого осталось небольшое жирное пятно. Несовершенный лист. Она намеренно выбрала его для этого письма.

— Не надо, — попросил Ахим, подняв руки в защитном жесте. — Я не хочу слушать это письмо. И не буду его слушать.

— Ахим, — начала Кати.

— Прочитаешь еще хоть слово, и я закрываю дверь! А если ты бросишь письмо в почтовый ящик, то оно сразу попадет в мусорное ведро. Я не хочу слышать твои обвинения, не хочу слышать, как ты уверена в собственной правоте. Оставь все это при себе. Я не окажу тебе такую услугу и не собираюсь молчать,

пока ты вываливаешь на меня свой мусор. И не надо так на меня смотреть.

— А как я смотрю?

— В твоих больших глазах столько разочарования. Это уже давно не работает.

Кати опустила письмо.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

— Ты всегда так делаешь, когда тебе не разрешают зачитать твоё письмо?

Кати снова сложила вощеную бумагу.

— Нет, но мне нужно кое-что узнать.

— О нас?

— О моей маме.

Ахим скрестил руки.

— Если речь о том, что меня не было на похоронах, то я...

— Нет, речь о... Ты расскажешь мне о ней? Какие у вас с ней сложились отношения?

— Ты же и сама знаешь. — Мышцы на его шее напряглись.

— Да, но я никогда не спрашивала тебя о подробностях, о встречах, разговорах.

— Зачем тебе?..

— Я прошу тебя, ладно?

Ахим тяжело вдохнул и выдохнул. Но Кати знала, как он любит поговорить. При этом его голос менялся на голос ведущего исторической программы по телевизору.

— Твоя мама всегда была добра ко мне, Кати. Более того, это она когда-то посоветовала мне заговорить с тобой на празднике стрелкового общества. У меня почти сложилось впечатление, что она хотела нас свести. А позже твоя мать даже подсказывала

мне, какие фильмы тебе нравятся, какая еда, ну, и все такое, чтобы я заставил тебя почувствовать, что мы родственные души. С Бигги мне пришлось все выяснять самому, разговаривая и слушая.

Кати старалась спокойно вдыхать и выдыхать через нос, в то время как ее сердце то и дело пропускало удары. Ее саму, Кати, мама тогда отговаривала встречаться с Ахимом, твердила, что он не для нее, что он играет в другой лиге. Именно это в первую очередь и заставило ее по-настоящему его захотеть. Ее предыдущего парня, Хольгера, мать нахваливала. С каждым положительным словом образ Хольгера становился чуть бледнее, пока в конце концов не утратил весь соблазнительный блеск.

— Я не знала, что...

— С тобой я никогда не мог говорить так же открыто, как с твоей матерью! Даже когда моя бывшая вдруг снова заинтересовалась мной на народном фестивале, ну, ты помнишь, Сильвия, и я задумался. Твоя мама тогда проявила понимание ко мне и моим сомнениям.

Глубоко вдохнуть. Глубоко выдохнуть.

— И как же все пошло с Сильвией? — Кати не знала, хочет ли она услышать ответ.

— У нее внезапно пропал ко мне интерес. Она сказала, что это была просто последняя вспышка старого огня. Собственно, выразилась она не так, не буквально, но имела в виду именно это.

— А в наших отношениях? Моя мама тоже превращалась в твоего консультанта, когда у нас возникали проблемы?

— Кати, к чему это все? Почему это вдруг стало так важно?

— Потому что это просто важно. Мне нужно разобратся в своих отношениях с мамой. Даже если на самом деле сейчас уже слишком поздно.

Ахим вздохнул.

— Твоя мама всегда была моей главной советчицей и во время нашего брака, но она не хотела, чтобы я тебе рассказывал. Уверяла, что тебе это не понравится и что это вобьет клин между мной и тобой.

— Что еще она тебе говорила?

— Что мне не стоит слишком баловать тебя и что я в целом должен больше концентрироваться на своей карьере, чем на наших отношениях. Говорила, что ты — женщина, которая ценит, когда мужчина целиком погружается в свою работу, даже если сама никогда в этом не признается. Но в итоге это все равно не помогло. — Ахим покачал головой. — Не знаю, какой в этом смысл, и у меня действительно сейчас есть другие дела. — Его глаза сузились. — И только попробуй оставить тут где-нибудь это письмо!

Спустя секунду дверь за ним закрылась.

— *Всего...* — начала Кати.

Не то. Эти слова нужно говорить не закрытой двери. Им нужно лицо.

Кати сжимала письмо в руке, как табель с плохими оценками.

Затем положила его в конверт и бросила в почтовый ящик.

Когда оно ударилось о его металлическое дно, раздался глухой и пустой звук.

Она развернулась.

Неожиданно дверь снова открылась.

— Кати, подожди. *Я* хочу его послушать. — В одной руке Бигги держала письмо, а другой пригладила

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

